

Генеральная Ассамблея

Шестьдесят вторая сессия

Официальные отчеты

Distr.: General
6 December 2007

Russian
Original: English

Шестой комитет

Краткий отчет о 23-м заседании,

состоявшемся в Центральном учреждении, Нью-Йорк, в пятницу, 2 ноября 2007 года, в 10 ч. 00 м.

Председатель: г-н Тулбуре (Молдова)

Содержание

Пункт 82 повестки дня: Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят девятой сессии (*продолжение*)

Выступление Председателя Международного Суда

В настоящий отчет могут вноситься поправки. Поправки должны направляться за подписью одного из членов соответствующей делегации *в течение одной недели после даты издания* на имя начальника Секции редактирования официальных отчетов, комната DC2-750 (Chief, Official Records Editing Section, room DC2-750, 2 United Nations Plaza), и вноситься в экземпляр отчета.

Поправки будут изданы после окончания сессии в виде отдельного исправления для каждого комитета.

Заседание открывается в 10 ч. 05 м.

Пункт 82 повестки дня: Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят девятой сессии (продолжение) (A/62/10)

1. **Г-н Джаафар** (Малайзия) говорит, что его делегация приветствует выраженную в проекте руководящего положения 2.6.3 ("Способность делать возражения") позицию, согласно которой государство или международная организация вправе формулировать возражение как против оговорки, не удовлетворяющей критериям действительности в соответствии с положениями статьи 19 Венских конвенций, так и против оговорки, которую это государство или организация считает неприемлемой "исходя из собственных интересов" (A/CN.4/574, пункты 62–63), даже если сама по себе оговорка является действительной. В основу этой позиции заложен тот принцип, что обязательство не может быть возложено на государство без его согласия. Оратор с нетерпением ожидает дискуссии о том, вправе ли государство или международная организация сформулировать возражение против оговорки, определенно разрешенной Венскими конвенциями, т. е. по вопросу, который еще предстоит решить. Некоторые из оговорок Малайзии к договорам о правах человека были восприняты другими государствами-участниками как несовместимые с объектом и целью этих инструментов. Поэтому он с нетерпением ожидает завершения Специальным докладчиком работы над вопросом о воздействии недействительных оговорок, а также о формулировании возражений против них и признании недействительных оговорок в контексте данного проекта руководящего положения.

2. Что касается проекта руководящего положения 2.6.5 ("Автор возражения"), то, в понимании делегации оратора, слова "любым государством или любой международной организацией, которые имеют право стать участниками договора", означают государства и международные организации, подписавшие договор; государство или международная организация, не имеющие намерения стать участниками договора, не должны иметь права возражать против оговорки, сформулированной государством, являющимся стороной этого договора. В свете данного проекта руководящего положения оратор также предлагает внести поправку в проект руководящего положения 2.6.12 ("Необязательность подтверждения

возражения, сформулированного до выражения согласия на обязательность договора"), для того чтобы потребовать от государств и международных организаций подтверждения любых возражений, которые они сформулировали до выражения своего согласия на обязательность для них договора, в момент, когда они становятся участниками этого договора, поскольку между этими событиями может пройти значительное время.

3. В проекте руководящего положения 2.6.13 ("Срок формулирования возражения") не точно отражаются положения пункта 5 статьи 20 Венских конвенций; слова "до конца" следует заменить словами "в течение", чтобы не создавалось впечатление, будто государство или международная организация должны ждать 12 месяцев после того, как оно/она было/была уведомлено/уведомлена о такой оговорке, прежде чем сформулировать возражение против нее.

4. Делегация оратора считает проект руководящего положения 2.6.14 ("Превентивные возражения") неприемлемым; прежде чем решать, следует ли формулировать возражение против оговорки, государства и международные организации должны дождаться, пока оговорка будет сделана, чтобы определить пределы ее действия. В контексте дальнейшей работы Специального докладчика над вопросами о юридических последствиях возражений против оговорок и принятия оговорок было бы целесообразно также рассмотреть вопрос о юридических последствиях последующих возражений (проект руководящего положения 2.6.15) и частичного снятия возражения (проекты руководящих положений 2.7.7 и 2.7.8).

5. Проект руководящего положения 2.8.2 ("Молчаливое принятие оговорки, требующей единогласного принятия другими государствами и международными организациями") в его нынешней редакции может быть понят как ограничивающий срок принятия оговорки 12-месячным периодом после уведомления о ней, тогда как в пункте 5 статьи 20 Венских конвенций предусматривается, что возражение может быть сформулировано либо в течение этого периода, либо к дате, когда это государство или международная организация выразят свое согласие на обязательность для них этого договора, в зависимости от того, какая из этих дат является более поздней. В этот проект статьи необходимо внести соответствующую поправку.

6. Делегация оратора согласна с тем, что международная организация должна в явной форме выразить свое принятие оговорки, как это установлено в проекте руководящего положения 2.8.8 ("Отсутствие презумпции принятия оговорки к учредительному акту"), однако приемлемость проекта руководящего положения 2.8.9 ("Орган, компетентный принимать оговорку к учредительному акту") будет зависеть от внутренней структуры соответствующей организации; данное руководящее положение должно рассматриваться как всеобъемлющее.

7. Признавая, что принятие проектов руководящих положений явится подспорьем для государств и международных организаций в их практической деятельности, связанной с оговорками к договорам, делегация оратора считает, что, прежде чем можно будет их принять, необходимо провести дополнительные обсуждения и анализ, в том числе на основе ответов государств на вопросы, поставленные Комиссией в пунктах 23–25 ее доклада.

8. Обращаясь к вопросу об общих природных ресурсах, оратор говорит, что увязывание работы комиссии над вопросами, касающимися трансграничных подземных вод, с ее работой над проблемами нефти и природного газа привело бы к ненужным задержкам. Он согласен со Специальным докладчиком в том, что не следует приступать к работе над вопросами нефти и природного газа, до тех пор пока не будет завершена работа по тематике подземных вод; нефть и природный газ имеют стратегическое значение для экономического и социального развития страны, однако их нельзя назвать предметами жизненной необходимости для человека, и к ним не обязательно будут применимы принципы, выработанные в отношении подземных вод.

9. Принимая во внимание различия высказываемых государствами мнений, обсуждение вопроса об окончательной форме проектов статей следует отложить, пока не будет проведено их второе чтение; в связи с этим оратор отмечает, что в проект в его теперешнем виде не включены механизмы урегулирования споров, заключительные положения и какие-либо иные положения, которые могли бы предопределить выбор конечной формы этого документа.

10. Касаясь темы обязательства выдавать или осуществлять судебное преследование (*aut dedere aut judicare*), в ответ на вопрос, поставленный в пункте 31

а) доклада Комиссии, он говорит, что Малайзия является стороной ряда многосторонних договоров, в которых устанавливается это обязательство, в том числе четырех Женевских конвенций 1949 года, Конвенции 1970 года о борьбе с незаконным захватом воздушных судов ("Гаагской конвенции") и Конвенции 1973 года о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации ("Монреальской конвенции"). Она также заключила двусторонние договоры о выдаче преступников с Таиландом, Индонезией, Специальным административным районом Гонконг, Соединенными Штатами Америки и Австралией; все эти договоры, кроме первого (который был заключен в 1911 году), также требуют от сторон либо выдачи, либо осуществления судебного преследования преступника. В случаях, когда это обязательство не предусматривается договором или предусматривается лишь в ограниченной мере, применение данного обязательства регулируется нормами внутригосударственного права договаривающихся сторон; когда такое обязательство не предусмотрено договором, сфера его применения ограничивается запросами, касающимися граждан соответствующих сторон. Ни Малайзия, ни ее партнеры по договорам не несут обязательства в случае отказа в удовлетворении требования о выдаче осуществлять судебное преследование лиц, не являющихся их гражданами.

11. Малайзия инкорпорировала обязательство выдавать или осуществлять судебное преследование в свой Закон о выдаче преступников 1992 года; в разделе 49 последнего предусмотрено, что принятие решения о том, следует ли удовлетворить требование о выдаче преступника или передать дело компетентным властям для осуществления судебного преследования, возлагается на соответствующего министра, которому предстоит, приняв во внимание гражданство предполагаемого правонарушителя, определить, обладает ли Малайзия юрисдикцией для преследования в суде за совершение данного преступления. В случае отсутствия договора выдача преступника, тем не менее, возможна. Однако правительство страны оратора не признает договоры, участником которых оно является, в качестве правового основания для удовлетворения требования о выдаче преступника; согласно положениям раздела 3 Закона о выдаче преступников для этого должно быть издано специальное распоряжение. На практике такие специальные распоряжения обычно издаются, даже если с требованием о выдаче обращается государство,

с которым Малайзия не связана договором о выдаче преступников. Единственное исключение из этого правила делается в отношении Гаагской и Монреальской конвенций; раздел 16 Закона о преступлениях на воздушном транспорте 1984 года позволяет использовать эти инструменты как юридическое основание для выдачи преступников согласно нормам внутригосударственного права.

12. Правительство страны оратора последовательно соблюдает свое обязательство оказывать максимальное возможное содействие борьбе с преступностью и пресекать безнаказанность. Действуя таким образом, оно принимает во внимание не только нормы внутригосударственного права, но, кроме того, принципы международного сотрудничества и требования взаимного признания прав и обычаев разными нациями, серьезность совершенного преступления, вероятность вынесения обвинительного приговора, а также интересы потерпевших и заинтересованных государств. В прошлом Малайзия давала разрешение на выдачу своих граждан за преступления, связанные с международной торговлей наркотиками; в таких случаях она обычно добивается от запрашивающего выдачи государства обязательства выдавать за аналогичное преступление своих граждан Малайзии по требованию последней.

13. Преступление, могущее быть основанием для выдачи преступника, определяют как преступление, наказуемое по внутригосударственному праву смертной казнью или лишением свободы на срок не менее одного года. В своем внутригосударственном праве или практике правительство страны оратора не применяет принцип универсальной юрисдикции и не прибегало к прямой криминализации правонарушений, на которые распространяется такая юрисдикция, потому что, как оно считает, внутригосударственное право предоставляет адекватные средства для борьбы с ними. Рассматриваться может любое требование о выдаче преступника, удовлетворяющее условиям "двойной преступности" и пороговой величины минимального наказания.

14. Вообще говоря, делегация оратора придерживается той точки зрения, что источником обязательства выдавать или осуществлять судебное преследование являются договоры; оно не является обязательством общего характера согласно обычному праву. Как представляется на основании доклада, включая исследование практики государств, на сегодня не существует достаточных доказательств в

поддержку утверждения о том, что данное обязательство достигло необходимого уровня признания, и оно не является обязательным для государств за исключением случаев, когда оно устанавливается договором. Тем не менее, оратор отмечает, что это исследование еще не завершено.

15. **Г-жа Уильямс** (Канада) говорит, что она согласна с решением Комиссии: в работе над темой "Оговорки к международным договорам" не ставить под сомнение действие Венских конвенций. Хотя договаривающиеся государства и международные организации должны иметь возможность реагирования на оговорки, воспринимаемые ими как недействительные, формулируя свои возражения, ее делегацию беспокоит предположение, что формулировать такие возражения могут и третьи стороны, особенно если такими сторонами выступают договорные органы по вопросам прав человека, не наделенные компетенцией действовать в этом качестве в своих учредительных документах. Один из таких договорных органов высказал предположение, что последствием недействительности оговорки является делимость договора, а это значило бы, что государство может стать участником договора, не соблюдая то самое условие, которое, согласно замыслу договора, должно было служить необходимым условием для присоединения к нему; этот случай, по-видимому, и побудил Комиссию поставить вопрос, содержащийся в пункте 23 а) ее доклада.

16. По мнению делегации оратора, в отсутствие в рамках того или иного договорного режима каких-либо конкретных норм приоритет должен отдаваться принципу согласия государств. Так, именно государствам — участникам договора надлежит принимать решение относительно действительности и последствий недействительности оговорки, сделанной другим государством-участником. Ее собственное правительство подходит к вопросу о формулировании оговорки в зависимости от конкретного случая, принимая во внимание как действующие принципы, так и соображения практического порядка. Во многих случаях Канада заявляет, что соответствующая оговорка не препятствует вступлению договора в силу между ней и автором этой оговорки, однако какого-то абсолютного правила, действующего в подобных ситуациях, она не имеет.

17. Касаясь темы "Общие природные ресурсы", оратор поясняет, что поскольку Канада имеет общую сухопутную международную границу только с

Соединенными Штатами Америки, проблема загрязнения подземных вод для нее носит исключительно двусторонний характер и регулируется Договором о международных пограничных водах 1909 года, положения которого в Канаде имплементированы в Законе относительно Договора о международных пограничных водах, и Соглашением о качестве воды в Великих озерах 1978 года с поправками, внесенными в него в 1987 году. Взаимодействие между этими двумя соглашениями обеспечивается через Международную совместную комиссию – двустороннее учреждение, созданное в соответствии с Договором и наделенное дополнительными функциями по Соглашению. Хотя Договор не содержит положений, явно относящихся к подземным водам, Совместная комиссия проявила обеспокоенность в связи с загрязнением подземных вод, и в поправку 1987 года к Соглашению вошло новое приложение 16, которое касается проблемы загрязнения Великих озер зараженными подземными водами. 13 декабря 2005 года канадские провинции и американские штаты, граничащие с Великими озерами, заключили соглашение о водозаборах из бассейна Великих озер, в которое включены положения об использовании и качестве подземных вод.

18. Эти правовые инструменты, институции и процессы составляют ту основу, опираясь на которую Канада будет рассматривать любые другие правовые акты по данному вопросу. Поэтому делегация оратора поддержит рассмотрение проектов статей как свода типовых принципов и создание информационной базы по вопросам, проблемам и методологиям, связанным с усилением защиты и рациональным использованием подземных вод. Однако более углубленная работа над темой трансграничных водоносных горизонтов, включая выработку рамочной конвенции, может оказаться проблематичной. Делегация оратора также высказывается за проведение предварительного исследования по вопросам нефти и газа, включая составление обзора практики государств, и за рассмотрение проблематики нефти и газа отдельно от вопросов, касающихся трансграничных подземных вод.

19. Обращаясь к теме "Обязательство выдавать или осуществлять судебное преследование", оратор говорит, что хотя Канада является решительным сторонником мер по усилению ответственности и недопущению безнаказанности, она не считает, что

обязательство выдавать или осуществлять судебное преследование применимо ко всем видам преступлений. Она предостерегает против принятия излишне широкой трактовки этого обязательства, особенно если предполагается говорить о нем именно как об "обязательстве", а не о принципе или норме поведения. В Канаде обязательство выдавать или осуществлять судебное преследование применяется только в отношении преступлений, подпадающих под универсальную юрисдикцию, как она признается в договорном или международном обычном праве. Было бы полезно продолжить обсуждение вопроса об источнике данного обязательства, включая проведение систематического обзора договоров, которые требуют от сторон выдачи или осуществления судебного преследования преступников. Делегация оратора одобряет решение Специального докладчика воздержаться от дальнейшего исследования вопроса о так называемой "тройственной альтернативе", поскольку, по ее мнению, передача правонарушителя международному уголовному суду существенно отличается от двустороннего акта выдачи преступника одним государством другому.

20. **Г-жа Дефенсор-Сантьяго** (Филиппины), выступая по теме "Оговорки к международным договорам", говорит, что хотя главная посылка Венских конвенций исходит из того, что оговорки можно делать как к двусторонним, так и многосторонним договорам, оговорку к двустороннему договору трудно себе представить, поскольку такой инструмент не может вступить в силу без согласия обеих сторон со всеми его положениями. Одностороннее заявление или декларация одной из сторон в таком договоре может рассматриваться как толковательное заявление; однако и тогда его действительность будет зависеть от согласия второй стороны.

21. Как отмечается в третьем докладе Специального докладчика (A/CN.4/491/Add.5, пункт 431), в 1966 году Комиссия заявила, что оговорки к двусторонним договорам не создают реальной проблемы, поскольку они равнозначны новому предложению о возобновлении переговоров между двумя государствами; только если оба государства договорятся принять или отклонить оговорку, договор будет заключен. Однако в проекте руководящего положения 1.5.1 такие односторонние заявления прямо исключены из определения оговорок. Такая же проблема может возникнуть в случае многосторонних

договоров с участием лишь трех или четырех сторон, т. е. в ситуации, предусматриваемой в пункте 2 статьи 20 Венских конвенций. Было бы полезно ввести более четкую процедуру установления статуса оговорок к двусторонним договорам.

22. Проект руководящего положения 3.1.8 ("Оговорки к положению, которое отражает обычную норму") основан на той посылке, что даже если обычные нормы были кодифицированы или закреплены в конвенциях, то, как отметил Международный Суд, "Представляется очевидным, что обычное международное право по-прежнему существует и действует независимо от права международных договоров, даже если эти две категории права имеют идентичное содержание" (см. дело *о военной и военизированной деятельности в Никарагуа и против Никарагуа (Никарагуа против Соединенных Штатов Америки)*, 1986 год, ссылка на которое содержится в докладе Исследовательской группы Комиссии для рассмотрения темы "Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права" (A/CN.4/L.702, прим. 9)).

23. По мнению делегации оратора, в то время как обычная норма может также быть воплощена в договоре, на практике в каждом случае необходимо указывать, в качестве договорной или обычной нормы она применяется. Пункт 2 проекта руководящего положения 3.1.8 является лишь повторением статьи 38 Венской конвенции 1969 года, из которой ясно следует, что обязательство между государствами-участниками, выводимое из договорной нормы, отличается от обязательства, действующего между третьими странами, источником обязательной силы которого является обычай.

24. Поэтому будет логично заключить, что поскольку государство, делающее оговорку, в своих отношениях с другими государствами – участниками договора действует в рамках конкретного договорного режима, формулируя свою оговорку, оно имеет дело с соответствующим положением этого инструмента как с договорной нормой. Пересекая линию, отделяющую договорные нормы от норм обычных, как это было сделано в проекте руководящего положения 3.1.8, Комиссия внесла путаницу в вопрос об источнике обязательства, действующего между государством, делающим оговорку, и другими договаривающимися государствами. В этом проекте руководящего

положения неявным образом принимается к рассмотрению вероятность того, что оговорка может частично отменить норму обычного права в том виде, в каком она отражена в положении договора, в отношении которого формулируется оговорка. Хотя Комиссия и не идет настолько далеко, чтобы объявить такую оговорку недействительной, при оценке приемлемости оговорки она принимает во внимание ее несовместимость с положением договора, отражающим обычную норму, предполагая тем самым, что эта оговорка может быть сочтена недопустимой. Поэтому вопрос о включении в подготавливаемый документ проекта руководящего положения 3.1.8 следовало бы пересмотреть, в частности, ввиду того, что обычные нормы *jus cogens* имеют отношение к предмету проекта руководящего положения 3.1.9 ("Оговорки, противоречащие норме *jus cogens*").

25. В статьях 53 и 64 Венских конвенций устанавливается, что государства не могут заключать соглашения, противоречащие императивной норме общего международного права; поэтому проект руководящего положения 3.1.9 можно толковать как необходимо подразумеваемое последствие этого принципа. Попытки каталогизировать различные нормы *jus cogens* в Венских конвенциях не делается, однако в статье 53 установлен общий критерий для определения того, какие нормы общего международного права могут быть отнесены к категории норм *jus cogens*: а именно, те из них, которые принимаются и признаются международным сообществом государств в целом. В своем втором докладе о праве международных договоров (A/CN.4/156 и Add.1-3) Комиссия сочла разумным "сформулировать в общей форме правовую норму, согласно которой договор является ничтожным, если он противоречит норме *jus cogens*, и положиться в разработке содержания этой нормы в полном объеме на практику государств и судебную практику международных трибуналов" (цитируется по *Yearbook of the International Law Commission* (1963), vol. 2, p. 53).

26. Поэтому метод идентификации нормы *jus cogens*, которая затрагивается той или иной поправкой, весьма проблематичен; обращение к судебной практике международных трибуналов результата не даст ввиду недостаточности практики государств. Процесс образования нормы *jus cogens* имеет две ступени: формулирование нормы обычного или общего международного права, а затем преобразование ее в императивную норму путем принятия и признания

международным сообществом, если только практика государств и *opinio juris* не были настроены на фактор императивности уже в самом процессе формулирования общей или обычной нормы.

27. В статье 65 Венских конвенций не предлагается средств для принятия решения о путях разрешения коллизии между оговоркой и императивной нормой, возникающей в результате применения проекта руководящего положения 3.1.9; в таком случае допустимость оговорки никак не связана с недействительностью договора, прекращением его действия, выходом из него или приостановкой его действия. Более того, статья 65 может вызвать сомнение в применимости процедуры, предусмотренной в статье 66 Конвенций, оставляя споры в отношении статуса оговорок вне сферы действия механизма урегулирования, учрежденного в рамках Венского режима. Если в окончательном виде проекты руководящих положений примут форму руководства по практике, то неясно, каков будет их юридический статус; согласно замыслу, они не должны иметь обязательной силы, и тем не менее, в соответствии с положениями статьи 10 Устава Организации Объединенных Наций в результате их воплощения в рекомендации Генеральной Ассамблеи они могут возыметь определенный дисциплинарный эффект.

28. Работа Комиссии над темой "Общие природные ресурсы" может оказаться полезной в контексте трансграничных инцидентов между государствами, особенно в связи с распределением прав и обязанностей, относящихся к эксплуатации ресурсов, которая может повлечь за собой урон для окружающей среды. Поскольку в случае как трансграничных водоносных горизонтов, так и месторождений нефти и газа речь идет о текучих средах, их эксплуатация одной стороной может наносить ущерб сторонам, находящимся под юрисдикцией другой страны, с которой приходится делить эти трансграничные подземные воды или нефтяные месторождения.

29. Как можно себе представить, в этой ситуации для регулирования отношений между заинтересованными государствами необходимы нормы *inter se*; она также может требовать применения общих норм, которые уже составляют часть права, регулирующего вопросы международной ответственности, или международных правовых норм по охране окружающей среды. К таковым можно отнести Принцип 21 Стокгольмской декларации по проблемам окружающей человека

среды 1972 года, который, как широко признается, кристаллизовался в обычную норму и получил подтверждение в идентичной формулировке Принципа 2 Декларации Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию 1992 года, поскольку в нем интегрированы вопросы суверенитета и охраны окружающей среды. В рамках арбитражного дела *Trail Smelter* между Соединенными Штатами и Канадой этот принцип нашел конкретное применение в связи с проблемой трансграничного загрязнения; вопрос о применении данного принципа был также перенесен в пункт 2 статьи 194 Конвенции по морскому праву в контексте защиты морской окружающей среды. Наконец, как отмечается в консультативном заключении Международного Суда от 8 июля 1996 года относительно законности угрозы ядерным оружием или его применения, "Общее обязательство государств обеспечивать, чтобы деятельность, осуществляемая в пределах их юрисдикции и под их контролем, не наносила ущерба окружающей среде других государств или районов за пределами национального контроля, является ныне частью свода норм международного права, касающихся окружающей среды".

30. Вопрос о трансграничных последствиях общего владения природными ресурсами, возможно, является центральным в работе Комиссии в контексте последовательного развития и кодификации права в этих областях. В частности, обязанность не причинять значительного ущерба окружающей среде – это главное бремя трансграничного характера в межгосударственных отношениях; соответственно, вышеупомянутый основополагающий принцип права, касающегося защиты окружающей среды, будет применяться в отношении общих природных ресурсов. В контексте морского права решающее значение для урегулирования вопросов о суверенитете, возникающих между государствами, обладающими месторождениями нефти и газа, могут иметь нормы, касающиеся делимитации континентального шельфа. Перспектива совместного освоения ресурсов, о которой шла речь в ходе прений в Комиссии по докладу Рабочей группы, может быть реализована путем заключения соответствующих соглашений, регулируемых нормами права международных договоров.

31. Тему "Общие природные ресурсы" будет затруднительно концептуализировать в виде отдельного правового режима; делегация оратора

приветствовала бы разъяснения в отношении методологии, которую предполагается использовать в работе Комиссии, ожидаемых ей проблем и ресурсов, на которых она планирует сосредоточиться, помимо подземных вод, нефти и газа. Рамки данной темы также можно было бы расширить, чтобы включить в нее вопросы об атмосферном загрязнении, а также о трансграничных запасах рыб и запасах мигрирующих рыб.

32. Возможно, что при установлении режима ответственности есть необходимость принимать во внимание характер причиненного ущерба или вреда; в случае подземных вод, нефти или газа нанесенный окружающей среде урон может быть локализован применительно к получившим повреждения людям или имуществу, которому был нанесен ущерб. Необходимо было бы также выработать законы о нанесении ущерба окружающей среде и причинении вреда отдельным ее компонентам и провести различие между ущербом, причиняемым физическим лицам или имуществу, который входит в сферу отношений *inter se* между государствами, и уроном окружающей среде, который может затрагивать коллективные интересы государств и иметь последствия *erga omnes*. Факт выхода трансграничного ущерба за рамки национальной юрисдикции, вероятно, следует учитывать также в связи с процессуальными аспектами установления ответственности.

33. **Г-жа Вильялта Вискаarra** (Сальвадор) говорит, что работа над вопросом об оговорках к международным договорам может иметь важные последствия для международного права. Когда государство делает оговорку, при которой сохраняется целостность договора, иными словами, которая не является несовместимой с его объектом и целью, существенно важно, чтобы такая оговорка была принята целиком; разрешать частичные возражения не следует. Частичное возражение способно подорвать цель оговорки, для формулирования которой у сделавшего оговорку государства, безусловно, имелись серьезные основания. Не следует разрешать также, чтобы, когда возражений против оговорки не поступало, какое-либо государство могло позднее взять обратно свое согласие с ней. Такой отказ может подвергнуть риску юридическую определенность и создать потенциальную угрозу международному миру и безопасности.

34. Делегация страны оратора придает особое значение теме "Обязательство выдавать или

осуществлять судебное преследование" как одному из средств борьбы с безнаказанностью. Положение о выдаче или осуществлении судебного преследования входит во все большее число международных договоров. Сальвадор является участником ряда международных инструментов, в которых устанавливается такое обязательство с целью лишить безопасного убежища лиц, обвиняемых в совершении преступлений, имеющих международную значимость.

35. В 2000 году Сальвадор внес поправку в статью 28 своей Конституции, разрешающую выдачу его граждан. В этой статье предусматривается, что выдача возможна в соответствии с международным договором, при условии что этот договор был одобрен органами законодательной власти подписавших его государств. В Сальвадоре для ратификации договоров о выдаче преступников требуются две трети голосов депутатов, избранных в Законодательную ассамблею. Договор должен предусматривать взаимность и обеспечивать гражданам Сальвадора все гарантии по уголовному и уголовно-процессуальному праву, которые предоставляются им в соответствии с их собственной Конституцией. Выдача преступника будет осуществлена, если преступление было совершено в пределах территориальной юрисдикции государства, требующего выдачи, исключая случаи, когда речь идет о преступлениях международной значимости; не разрешается выдача в связи с совершением политических преступлений, даже если их результатом явились обычные преступления.

36. Важно проводить различие между универсальной юрисдикцией и обязательством выдавать или осуществлять судебное преследование. Хотя в обоих случаях преследуется та же самая цель, обязательство выдавать или осуществлять судебное преследование будет возникать лишь после того, как соответствующее государство установило свою юрисдикцию. Делегация страны оратора согласна с тем, что вопрос об универсальной юрисдикции должен рассматриваться лишь постольку, поскольку это необходимо для выяснения его связи с обязательством выдавать или осуществлять судебное преследование. Необходимо изучить соотношение между двумя элементами рассматриваемого обязательства. Делегация страны оратора полагает, что, если договор о выдаче преступников не предусматривает иное, предпочтение следует отдавать преследованию обвиняемого в совершении преступления в национальном суде. Альтернативный вариант выдачи

обвиняемого международному трибуналу представляет собой ограничение прерогативы государства выдавать преступника или осуществлять его судебное преследование.

37. **Г-н Хорват** (Венгрия) говорит, что тема "Оговорки к международным договорам" заслуживает того огромного количества энергии, которое было на нее затрачено. Договоры составляют главный источник публичного международного права, и надлежащее функционирование международного порядка в значительной степени зависит от способности государств определять свои права и обязательства по договорам. Всеобъемлющие руководящие положения по вопросу об оговорках к международным договорам станут в этом отношении весьма полезным инструментом и побудят государства воздерживаться от формулирования недействительных оговорок, что приобретает особую важность, когда речь идет о договорах по правам человека. Однако для получения такого благотворного эффекта эта работа должна быть завершена, а проекты руководящих положений приняты; необходимо найти равновесие между всеобъемлющим характером работы и ее завершением в течение разумного периода времени.

38. Что касается юридических последствий недействительных оговорок, то в Венских конвенциях 1969 и 1986 года нашел отражение компромисс между желательностью сохранения в силе всех положений договора, не затрагиваемых оговоркой, и правом возражающего государства не быть связанным оговоркой вопреки собственной воле. При внесении в эту систему любых изменений необходимо было бы рассмотреть вопрос о том, можно ли и при каких условиях можно, не нарушая принцип суверенного равенства государств, считать формулирующее недействительную оговорку государство связанным положениями, к которым была сделана оговорка.

39. В отношении темы "Общие природные ресурсы" делегация оратора разделяет точку зрения, согласно которой работу над вопросами подземных вод следует продолжать отдельно от любой работы над проблемами, касающимися нефти и газа, а результатом ее должна стать подготовка рамочной конвенции. Документ такого рода мог бы устанавливать основные принципы сотрудничества в данной области и служить правовой базой для стран, еще не достигших соответствующей стадии развития международного права, и основой для выработки субрегиональных и двусторонних соглашений, которые будут

адаптироваться к потребностям заинтересованных сторон. Работу по разработке типовой конвенции можно было бы завершить быстрее, но рамочная конвенция будет иметь дополнительные достоинства, оправдывающие затрату дополнительных усилий.

40. Венгрия в высшей степени заинтересована в проблеме общих подземных вод, поскольку она делит водоносные горизонты со всеми семью своими соседями. Однако ее потребности в полной мере удовлетворяются действующими правовыми документами, заключенными под эгидой Европейской экономической комиссии, Европейского союза и Международной комиссии по охране реки Дунай, вкпе с двусторонними соглашениями. Она готова поделиться своим опытом, чтобы способствовать дальнейшей разработке документа Организации Объединенных Наций по вопросу об общих подземных водах, и сообщит свою позицию в письменном виде.

41. Что касается обязательства выдавать или осуществлять судебное преследование, то, по мнению его делегации, в эпоху беспрецедентной взаимозависимости народов и государств такое обязательство действительно существует, и источники этого обязательства не ограничиваются международными договорами. Помочь в точном определении сути данного обязательства мог бы всеобъемлющий анализ договоров, международного обычного права, национального законодательства и практики государств. Делегация страны оратора подготовит и представит информацию о законодательстве и практике Венгрии, касающихся выдачи преступников.

42. **Г-жа Каменкова** (Беларусь), касаясь темы "Оговорки к международным договорам", говорит, что одним из важных аспектов при формулировании оговорок является объект соответствующего договора. К договорам, касающимся прав человека и жертв вооруженных конфликтов, очевидно, следует относиться с особым уважением; оговорки к ним не должны разрешаться.

43. Когда, после поступления возражений от нескольких из договаривающихся государств, оговорка признается недействительной, согласие сделавшего оговорку государства, как правило, также утрачивает силу, и соответствующее государство более нельзя считать связанным данным договором. Однако из этого правила необходимо исключить договоры о правах человека и договоры в области

международного гуманитарного права и права вооруженных конфликтов; после признания оговорки недействительной они должны оставаться в силе для максимального числа участников, принимающих на себя все договорные обязательства.

44. Оговорки к двусторонним договорам недопустимы, поскольку они равноценны встречному предложению одной из сторон. Однако Комиссия провела важное различие между оговорками и заявлениями о толковании; и неприемлемость оговорок к двусторонним договорам не исключает возможности заявлений о толковании в отношении таких договоров.

45. Делегация страны оратора будет выступать за четкое определение термина "письменная форма", в котором, по ее мнению, надлежит учесть происшедшее за последние несколько лет значительное развитие средств связи. В проектах руководящих положений признается особый статус факсимильных сообщений и электронной почты. Однако в принципе любые формы сообщений, основанные на письменном слове, можно считать "письменными", хотя такие сообщения должны всегда, за исключением случаев, когда речь идет об официальной дипломатической переписке, подтверждаться последующим традиционным обменом письмами.

46. Комиссия успешно справилась с вопросом о несовместимости оговорок с объектом и целью договора. Понятие объекта и цели, которое, хотя оно и упоминается в обеих Венских конвенциях, является исключительно абстрактным по своему характеру, а в проектах руководящих положений начало облекаться конкретной плотью.

47. Что касается неясных или общих оговорок, то делегация страны оратора считает, что в дополнение к критериям сферы действия оговорки и ее совместимости с объектом и целью договора было бы целесообразно ввести условие, предусматривающее, что в случаях, когда оговорка допускает несколько возможных толкований, надлежит обеспечивать защиту интересов других договаривающихся сторон. Иными словами, оговорка должна интерпретироваться в соответствии с нормой *contra proferentem* римского права: ее следует толковать против государства, делающего оговорку, и в пользу других договаривающихся сторон. Таким образом, при формулировании оговорок государства будут

заинтересованы проявлять осмотрительность, чтобы не оказаться жертвами неожиданных толкований собственных оговорок.

48. Что касается оговорок к положениям договора, отражающим обычные нормы международного права, то одним из важных факторов является выражение государством *opinio juris* в отношении приемлемости или неприемлемости нормы международного права, которая считается обычной нормой. По мнению делегации страны оратора, формулирование оговорки применительно к норме, относимой к сфере обычного права, не означает автоматически, что государство, делающее такую оговорку, возражает против надления этой нормы статусом международного обычая в иных контекстах, кроме как в контексте международного соглашения, о котором идет речь. Основанием для формулирования оговорки к той или иной норме может являться соответствующий конкретный договор, а не принадлежность этой нормы к сфере международного обычного права.

49. В отношении оговорок, касающихся внутреннего права, важно подчеркнуть неприемлемость оговорок, правовые последствия которых могут быть произвольно изменены государством, делающим оговорку, путем внесения поправок в свое внутреннее законодательство или принятия своеобразного толкования последнего. Единственными исключениями должны быть конституционные законы, вносить поправки в которые всегда затруднительно и которые могут являться реальным юридическим препятствием для участия соответствующего государства в международном договоре. Пока государства являются подписавшимися сторонами договора, они должны, так сказать, "заморозить" свое законодательство: иными словами, если внесение поправок в законодательство привело бы к изменению правовых последствий оговорки и вызвало возражения со стороны других договаривающихся сторон, они должны применять законы, действовавшие на момент формулирования оговорки.

50. Делегация страны оратора полностью поддерживает проект руководящего положения об оговорках к договорным положениям, касающимся урегулирования споров или контроля за осуществлением договора. В этом тексте подтверждается свобода сторон выбирать средства для мирного урегулирования своего спора и контроля за выполнением обязательств, не позволяя им полностью отвергать такие средства, если соответствующие

механизмы составляют существенную или неотъемлемую часть обязательств договаривающихся сторон. Такой подход следовало бы дополнить положением касательно неприемлемости оговорок в отношении "дипломатических" средств урегулирования международных споров, таких как переговоры, консультации или посредничество.

51. Делегация страны оратора надеется, что в 2011 году Комиссия, наконец, успешно завершит свою работу над этой темой, что явится важной вехой в истории международного права.

52. **Г-н Дуфек** (Чешская Республика), касаясь вопроса об оговорках к международным договорам, говорит, что его делегация приветствует то обстоятельство, что Комиссия и Специальный докладчик придают большое значение "диалогу об оговорках" в целях формулирования оговорок и возражений против оговорки. Такой диалог может являться существенным подспорьем в выяснении правовой позиции в отношении оговорок и их связи с конкретным международным договором в случаях, когда основанием для возражения служит предполагаемая несовместимость оговорки с объектом и целью этого договора. Поэтому его делегация поддерживает проект руководящего положения 2.6.10, в котором государствам и международным организациям рекомендуется указывать, насколько это возможно, мотивы, по которым они возражают против оговорки, сформулированной другим государством или международной организацией. Кроме того, как показало обсуждение в Комиссии, было бы уместно, по-видимому, включить в Руководство по практике руководящие положения с рекомендацией им также указывать мотивы для снятия возражений, а также мотивы для их оговорок к международным договорам. При формулировании таких руководящих положений Специальному докладчику и Комиссии следует принять во внимание существование проблемы неясных и общих оговорок, которым посвящен проект руководящего положения 3.1.7.

53. По тем же причинам делегация страны оратора поддерживает выводы Специального докладчика, касающиеся формулирования последующих возражений, то есть возражений, сформулированных после истечения срока, предусмотренного в пункте 5 статьи 20 Венской конвенции о праве международных договоров, или срока, указанного в соответствующем международном договоре. Хотя последующие возражения не могут иметь всех юридических

последствий, предусмотренных в соответствии с положениями пункта 4 b) статьи 20 и пункта 3 статьи 21 Конвенции, делегация страны оратора считает их важным аспектом "диалога об оговорках" и полезным источником информации для международных судов, контролирующих органов и других организаций, которые рассматривают вопрос о действительности той или иной оговорки. Однако имеющийся текст проекта руководящего положения 2.6.15 следовало бы изменить: в его нынешнем виде он слишком краток и носит излишне общий характер. Кроме того, в нем говорится, что последующие возражения могут вызывать некоторые юридические последствия, что фактически противоречит заявленной цели данного проекта руководящего положения. Делегация страны оратора приветствовала бы дальнейшее детальное рассмотрение упоминавшейся в ходе прений в Комиссии возможности того, что на последующие возражения следует распространить, *mutatis mutandis*, режим, которым регламентируются заявления о толковании.

54. Комиссии также следует основательно рассмотреть проект руководящего положения 2.6.14, касающегося режима превентивных возражений. Хотя такие возражения могут позволить государству оградить свои права, вытекающие из некоего конкретного договора, и обозначить свою правовую позицию по отношению к потенциальным или будущим оговоркам к этому договору, делегация страны оратора разделяет некоторые из высказывавшихся в Комиссии сомнений, а именно что проекты руководящих положений могут привести к смешению политических деклараций или заявлений о толковании с заявлениями, имеющими целью вызвать какие-то конкретные юридические последствия. Комиссии также следует изучить вопрос о том, может ли превентивное возражение во всех случаях отразить конкретное содержание потенциальных или будущих оговорок, к которым такое возражение относится.

55. Обращаясь к теме "Общие природные ресурсы", оратор говорит, что, невзирая на наличие многих элементов сходства, различия между запасами подземных вод и месторождениями нефти и природного газа имеют более существенное значение. Поэтому его делегация придерживается той точки зрения, что чтение проекта статей о правовом режиме трансграничных водоносных горизонтов может быть завершено безотносительно к итогам обсуждения в Комиссии правовых вопросов, касающихся нефти и

природного газа. Кроме того, Комиссии следует установить, какой практики в отношении нефти и природного газа придерживаются государства. Ключевое значение в связи с этим будут иметь ответы на вопросник о практике государств. Однако то обстоятельство, что сбор и последующая оценка такой информации потребуют относительно продолжительного времени, – это еще одна причина, по которой работу по трансграничным водоносным горизонтам было бы полезно завершить вне зависимости от работы над проблематикой нефти и природного газа.

56. Проект статей о правовом режиме трансграничных водоносных горизонтов в перспективе может послужить основой для заключения в будущем детальных двусторонних и многосторонних соглашений о таких водоносных горизонтах. Однако делегацию страны оратора беспокоит тот факт, что использование в проекте статьи 7 термина "добросовестность" таит в себе опасность, что государства смогут, действуя добросовестно, принимать меры, которые не были согласованы с другой стороной и которые, следовательно, могут неблагоприятно сказаться на потребностях другой стороны. Беспокойство его делегации вызывает также положение в проекте статьи 14, в соответствии с которым государство может в практически осуществимой степени проводить оценку возможных последствий того или иного конкретного вида планируемой деятельности на его территории для трансграничного водоносного горизонта или системы водоносных горизонтов. Такую оценку нельзя оставить на усмотрение одной стороны; участвовать в ней должны все заинтересованные государства.

57. Что касается конечной формы, которую следует придать проектам статей, то оратор говорит, что, с одной стороны, тема трансграничных водоносных горизонтов имеет много элементов сходства с проектом статей, разработка которого завершилась принятием Конвенции о праве несудоходных видов использования международных водотоков 1997 года, в связи с чем может казаться, что было бы только логично окончательно оформить проект статей о праве трансграничных водоносных горизонтов в виде рамочной конвенции. С другой стороны, Конвенция 1997 года пока не вступила в силу из-за недостаточного интереса к ее ратификации. Таким образом, существует опасность, что нынешний проект статей может ожидать такая же судьба. Тем не менее,

принять рамочную конвенцию было бы полезнее, нежели не имеющую обязательной силы резолюцию или просто доклад Комиссии, поскольку право трансграничных водоносных горизонтов представляет собой пример последовательного развития международного права. В то время как неудача конвенции, в которой кодифицируются обычные нормы международного права, может привести к тому, что общеобязательный характер этих норм будет подвергнут сомнению, последовательное развитие международного права путем выработки рамочной конвенции не повлечет за собой риска такого рода. Хотя, возможно, она вступит в силу не так скоро и будет обязательной для меньшего числа государств, принятие имеющей обязательную силу конвенции было бы более целесообразным.

58. **Г-н Броунли** (Председатель Комиссии международного права) благодарит делегации, высказавшиеся по докладу Комиссии. Полученная Комиссией ответная реакция в виде замечаний правительств по ее докладу и проектам текстов играет центральную роль в стратегическом диалоге в отношении усилий Комиссии по кодификации и последовательному развитию международного права. Само собой разумеется, что мнения правительств очень важны для Комиссии. Он хотел бы еще раз обратить внимание правительств на конкретные вопросы, освещаемые в главе III ее доклада. В частности, он настоятельно призывает правительства представить в письменном виде комментарии по проекту статей о праве трансграничных водоносных горизонтов, первое чтение которых было завершено Комиссией. Письменные замечания правительств обеспечат Комиссию информацией, которая будет иметь существенное значение для проведения второго чтения.

59. Оратор не станет отвечать на выступления делегаций, поскольку Комиссия является коллегиальным и коллективным органом. Однако все относящиеся к делу соображения и замечания будут приняты во внимание. Все письменные заявления будут доведены до сведения Специальных докладчиков. Он подчеркивает, насколько полезным было проходившее в течение последней недели обсуждение, и выражает надежду на продолжение дискуссии на юбилейном заседании в честь шестидесятилетия Комиссии, которое пройдет 19 и 20 мая 2008 года в Женеве и на которое приглашаются советники по правовым вопросам.

60. **Г-жа Бельяр** (Франция) говорит, что она не намерена комментировать проекты руководящих положений, уже принятые Комиссией в отношении установления объекта и цели договора и несовместимости оговорки с объектом и целью договора, хотя ее делегация оставляет за собой право после проведения второго чтения выступить с комментариями относительно некоторых затруднений, возникающих в связи с отдельными проектами руководящих положений.

61. Проекты руководящих положений, переданные Редакционному комитету на пятьдесят девятой сессии Комиссии, касаются вопросов, которые, несмотря на их в высшей степени технический характер, также представляют практический интерес, поскольку они касаются процедуры формулирования и снятия принятия оговорок и возражений против них. Редакционный комитет внес в них ряд полезных изменений. Однако у делегации страны оратора имеются некоторые сомнения в отношении проектов руководящих положений 2.6.14 и 2.6.15, касающихся, соответственно, превентивных возражений и последующих возражений. Сомнительно, что первые являются возражениями в подлинном смысле этого слова; а опасность такого руководящего положения в том, что оно побудит государства, становясь участниками договора, под предлогом формулирования превентивных возражений делать больше заявлений, имеющих неясные юридические последствия. Что же касается последующих возражений, то следует ясно сказать, что вопреки впечатлению, создаваемому проектом руководящих положений в его нынешнем виде, они вообще не имеют юридических последствий.

62. Что касается принятия оговорок, то делегация страны оратора поддерживает все проекты руководящих положений по данному вопросу, вошедшие в двенадцатый доклад Специального докладчика. Однако, безусловно, нет необходимости придавать слишком большое значение различию между молчаливым принятием и подразумеваемым принятием. Кроме того, по истечении 12 месяцев после уведомления об оговорке молчаливое принятие трудно рассматривать как "презумпцию" принятия в юридическом смысле этого термина, как предлагалось в ходе прений в Комиссии. Текст проектов руководящих положений 2.8.1 и 2.8.2, отражающий текст пункта 5 статьи 20 Венской конвенции о праве международных договоров постольку, поскольку он

касается случаев, в которых оговорка "считается принятой", не означает, как представляется, что принятие, само по себе, может быть "снято". Отдельный вопрос о недействительности оговорок и, вследствие этого, об их принятии, по мнению оратора, имеет отношение к вопросу о последствиях оговорок и принятий.

63. Она испытывает сомнения относительно целесообразности включения в проект Руководства по практике проекта руководящего положения 2.8.11. Хотя он касается более или менее неоспоримого права государств – членов международной организации занять индивидуальную позицию в отношении действительности оговорки к учредительному акту этой организации, существует опасность, что такой проект руководящего положения на практике может привести к вмешательству в осуществление полномочий компетентного органа и несоблюдению надлежащих процедур.

64. Поднятый в пункте 23 а) доклада вопрос о том, какие выводы делают государства в случае недействительности оговорки, имеет решающее значение. Вопрос о последствиях недействительных оговорок является одной из наиболее сложных проблем, возникших в связи с Венской конвенцией о праве международных договоров. Ни в одном из положений Конвенции 1969 года не затрагивается связь между нормами в отношении запрещенных оговорок и нормами, касающимися механизма принятия оговорок или возражения против них. Делегация страны оратора уже выражала свои сомнения в отношении использования таких терминов, как "действительность" или "недействительность" оговорки, в которых не учитывается широкий диапазон реакций государств на оговорки, формулируемые другими государствами. По мнению делегации страны оратора, вопросы, касающиеся последствий недействительных оговорок, должны решаться, главным образом, через механизм возражений и принятий, которые государства адресуют государству, сделавшему оговорку. Оговорка может быть сочтена действительной контрольным органом, однако последствия такого вывода неизбежно зависят от объема признаваемых за этим органом полномочий. С другой стороны, возможность заявления возражений против оговорок между государствами – участниками договора зависит от формулируемых этими участниками принятий и возражений.

65. В пункте 23 d) доклада государствам предлагается изложить свое мнение о том, может ли государство, возражая против оговорки, которую оно считает несовместимой с объектом и целью договора, считать, что эта оговорка не имеет силы и что сделавшее оговорку государство остается связанным договором в целом, включая положение или положения, последствия которых оно желало бы изменить (возражение с "супермаксимальным" эффектом). Как представляется, такое решение прямо противоречит принципу консенсуса, превалирующему в праве международных договоров. В соответствии как с практикой, так и с Венской конвенцией возможно также, что государства, сформулировавшие возражения против оговорки, которую они считают несовместимой с объектом и целью договора (или запрещенной согласно положению об оговорках), не будут возражать против вступления в силу соответствующего договора между ними и государством, сделавшим оговорку. Как представляется, сценарий, в соответствии с которым оговорка, несовместимая с объектом и целью договора, могла бы сделать полностью недействительным согласие сделавшего оговорку государства быть связанным этим договором, противоречит как воле, выраженной государством, сделавшим оговорку, так и свободе возражающего государства выбирать, должен ли договор вступить в силу между ним и государством, сделавшим оговорку. Последнее вполне может считать некоторые важные положения этого договора обязательными для себя, даже хотя оно и сформулировало к другим его положениям оговорку, затрагивающую общую направленность договора и, следовательно, несовместимую с его объектом и целью.

66. В своей практике Франции исходит из того, что, возражая против оговорки, запрещенной договором, но не выступая против вступления договора в силу в отношении государства, сделавшего оговорку, она проявляет уважение к выраженному этим государством намерению. Кроме того, признавая в явной форме, что такое возражение не препятствует вступлению договора в силу, — что, строго говоря, согласно Венской конвенции не требуется — Франция имеет в виду подчеркнуть важность устанавливаемой таким образом договорной связи и внести свой вклад в "диалог об оговорках", за развитие которого выступает Специальный докладчик. Конечно, на практике последствия такого вступления в силу могут оказаться чрезвычайно ограниченными, в особенности

применительно к так называемым "нормативным" договорам или в случаях, когда оговорка носит настолько общий характер, что сделавшее оговорку государство на деле соглашается лишь с немногими положениями договора.

67. Сколь бы неудовлетворительным ни могло подчас оказаться такое решение, именно в нем в наибольшей степени проявляется уважение к международной правовой системе, и только оно предлагает на практике ответ на вопросы, которые в теории могут представляться неразрешимыми. Оговорка может быть недействительной, однако право международных договоров не может ни лишить оговорку всякой юридической силы, признав возможность "супермаксимальных" возражений, ни ограничить согласие государства быть связанным договором на том основании, что его оговорка несовместима с договором с того момента, как возражающее государство дает согласие сохранить с ним договорные отношения.

68. **Г-н Тронкосо Репетто** (Чили) говорит, что работа Комиссии над вопросом о принципе выдачи или осуществления судебного преследования может иметь большую практическую ценность. Обязательство выдавать или осуществлять судебное преследование связано с принципом, согласно которому государства должны сотрудничать друг с другом в целях борьбы с транснациональной преступностью и исключения возможности нахождения безопасного убежища лицами, совершившими серьезные преступления.

69. Источник данного обязательства можно обнаружить во многих двусторонних и многосторонних договорах о выдаче преступников и других международных документах о пресечении некоторых особенно серьезных преступлений, таких как различные конвенции о борьбе с терроризмом, Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания и Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности. Имеет ли оно свой источник в международном обычном праве, по крайней мере в отношении отдельных категорий преступлений, будет зависеть от существования общей практики государств в этом отношении наряду с необходимой *opinio juris*, установить наличие которых надлежит путем изучения поведения государств. Кроме того, Специальный докладчик прав, полагая,

что данная тема также требует анализа национального законодательства и судебных решений.

70. Принцип выдачи или осуществления судебного преследования применяется в отношении государства, на территории которого находится предполагаемый преступник. Он связан с концепцией универсальной юрисдикции, однако эти два понятия не являются вполне сопоставимыми. Специальный докладчик обоснованно проводит различие между универсальностью пресечения преступлений и универсальностью юрисдикции или компетенции. Принцип "aut dedere aut judicare" является одним из путей достижения универсальности пресечения. К каким бы возможным выводам ни пришла Комиссия в отношении связи между этими двумя понятиями, в центре внимания исследования должен находиться принцип выдачи или осуществления судебного преследования.

71. Ключевой вопрос – это сфера применения данного обязательства в отношении предмета договора. Ясно, что обязательство выдавать или осуществлять судебное преследование действует применительно к особо серьезным международным преступлениям, в преследовании и наказании за которые заинтересовано международное сообщество в целом. Тем не менее, это не препятствует государствам в рамках своих договорных отношений применять данный принцип и в связи с другими преступлениями.

72. Делегация страны оратора хотела бы, чтобы Специальный докладчик более углубленно изучил вопрос об альтернативном характере обязательства выдавать или осуществлять судебное преследование. В договорах государства обычно обязуются удовлетворить требование о выдаче преступника, если только будут соблюдены все оговоренные условия. Обязательство осуществить судебное преследование возникает только в случае невыдачи соответствующего лица, однако государство, к которому обращено такое требование, не может просто принять решение осуществить судебное преследование преступника вместо того, чтобы его выдать, не рассмотрев надлежащим образом требование о выдаче. Кроме того, даже в отсутствие конкретного требования о выдаче государство обязано осуществить юрисдикцию в отношении некоторых категорий преступлений в соответствии с нормами международного права.

73. Исключения из обязательства выдавать преступников должны быть тщательно

сформулированы, чтобы не оставить пробелов или места для принятия решений по своему усмотрению или даже произволу. Если требование о выдаче отвергается исключительно на основании гражданства преступника, то, как представляется, вопрос об исключении из обязательства осуществлять судебное преследование не возникает. Если же оно отвергается на основании недостаточности доказательств, то не очевидно, что на запрошенном государстве будет при этом лежать обязанность осуществить судебное преследование. Однако если требование о выдаче отвергается из-за наличия серьезных оснований полагать, что лицо, выдачи которого добиваются, окажется под угрозой подвергнуться жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или быть приговоренным к смертной казни, то необходимо будет сформулировать нормы, для того чтобы установить, будет ли обязательство осуществлять судебное преследование применимо в этом случае и каким образом. Кроме того, есть необходимость изучить связь между рассматриваемым принципом и правом убежища, а также статусом беженцев. Обязательство осуществлять судебное преследование необходимо будет также проанализировать в свете предусмотренных в различных международных договорах ограничений на обязательство выдавать преступников, таких как принцип невыдачи собственных граждан, возведенный рядом государств в конституционную норму, и другие исключения в отношении выдачи преступников, предусмотренные в договорных актах или признанные в качестве принципов международного права.

74. Необходимо определенно постановить, что в некоторых случаях, в которых применим данный принцип, соответствующее государство должно принять меры с целью обеспечить возможность осуществления своей юрисдикции на практике. Следует также определить, должно ли государство, в котором предполагаемый преступник был обнаружен, осуществлять свою юрисдикцию по собственной инициативе или по просьбе иностранного государства.

75. Еще один вопрос, которым необходимо заняться, – это связь между принципом выдачи или осуществления судебного преследования и реакцией на просьбу о передаче индивида международному уголовному трибуналу. Следует отчетливо представлять себе, что выдача преступника и его передача суду – это два разных института; первая осуществляется по требованию государства, а вторая –

по просьбе международного уголовного трибунала. В случае Международного уголовного суда осуществляемая последним юрисдикция дополняет юрисдикцию государств; если государство готово реально осуществить свою юрисдикцию, то конкуренции между требованиями о выдаче преступника и передаче его суду возникнуть не может. Кроме того, в Римском статуте Международного уголовного суда содержатся нормы, регламентирующие порядок рассмотрения конкурирующих требований о выдаче и передаче суду. Ввиду сложности сопряженных с этим факторов делегация страны оратора согласна с тем, что Специальному докладчику следует воздержаться от изучения так называемой "тройственной альтернативы", а вместо этого сосредоточиться на тех последствиях, которые обязанность государства передать индивида международному трибуналу может иметь для его обязательства выдавать или осуществлять судебное преследование.

76. В том, что касается проекта статьи 1, посвященного сфере применения проекта статей, делегация страны оратора разделяет выражавшиеся в Комиссии сомнения в отношении введения понятий "установления, содержания, действия и последствий" обязательства в первом проекте статьи. На текущей стадии разработки преждевременно решать, стоит ли включать в проект статей эти элементы. В проекте статьи упоминаются "лица, находящиеся под их юрисдикцией", тогда как ключевым пунктом, который следовало бы подчеркнуть в связи с вопросом о сфере применения, является то, что проект статей применяется к лицам, находящимся на территории задерживающего преступника государства или под его контролем.

Выступление Председателя Международного Суда

77. **Председатель**, приветствуя Председателя Международного Суда, говорит, что важная роль, которую Суд многие годы играет в качестве главного судебного органа Организации Объединенных Наций, заслуживает признания. Кроме того, достойны восхищения усилия Суда по взаимодействию с другими международными трибуналами, представляющие собой один из эффективных путей решения проблем, которые могут возникать в результате фрагментации международного права.

78. **Г-жа Хиггинс** (Председатель Международного Суда) говорит, что хотела бы выступить в Комитете по

интересному правовому вопросу: об установлении в суде относящихся к делу фактов. В настоящее время ведется большая работа по теме о средствах доказывания в международных судах и трибуналах вообще. Время от времени Суд находит, что то или иное дело касается исключительно вопросов права, как, например, дело *о пересмотре преступления геноцида (Босния и Герцеговина против Югославии)* и дело *об ордере на арест, выданный 11 апреля 2000 года (Демократическая Республика Конго против Бельгии)*. Чаше Суд сталкивается с необходимостью установления и фактов по делу, и применимых правовых норм, как это практически всегда бывает в делах о правовом титуле на территорию. Со все большей частотой Суд бывает вынужден интенсивно заниматься установлением фактов по делу, что имеет критическое значение для решения спорных юридических вопросов.

79. Установление факта по делу в уголовном суде неизбежно сопряжено с иными процедурами, нежели в гражданском суде. Международный трибунал по бывшей Югославии, Международный уголовный трибунал по Руанде и Международный уголовный суд располагают детально разработанными досудебными, судебными и апелляционными процедурами для установления индивидуальной уголовной ответственности. В отличие от них, Международный Суд является судом для установления нормы международного права в ее применении к государствам.

80. В отношении методов судебного установления фактов по делу в Международном Суде оратор говорит, что некоторые классические "юридические факты", по словам сторон, вытекают из предоставляемой ими Суду документации. Например, они могут утверждать, что обмен корреспонденцией или выступления в парламенте свидетельствуют о существовании между государствами X и Y обязывающего соглашения. Такую документацию приходится изучать исключительно тщательно и детально. Подобная ситуация часто возникает в делах по территориальным спорам, когда у двух сторон имеются различные версии истории отношений между ними. В деле *о делимитации морской границы и территориальных спорах между Катаром и Бахрейном (Катар против Бахрейна)*, например, Суду пришлось устанавливать, что именно было кем согласовано и при каких обстоятельствах: действительно ли правитель Катара в обмене

письмами от 1939 года дал согласие на то, чтобы вопрос об островах Хавар был решен британским правительством; действительно ли в соответствии с письмами британского политического агента в Бахрейне правителям Катара и Бахрейна остров Джанан является частью группы Хаварских островов. Чтобы найти ответы на подобные вопросы Суд изучил всю относящуюся к делу корреспонденцию и архивные материалы.

81. В делах по территориальным спорам неизменно требуется понимание колониального прошлого и того, в каких именно архивах следует искать информацию. Часто одна либо обе стороны в споре склонны опираться на принцип *uti possidetis juris* как на основание для своего суверенитета над оспариваемой территорией. Как пояснила в связи с делом, *касающимся спора о границе (Буркина-Фасо/Республика Мали)* камера Суда, "существо данного принципа состоит в том, что его главная цель – гарантировать уважение территориальных границ на момент достижения независимости". В составе групп юристов государств, которые ссылаются на принцип *uti possidetis juris*, могут входить поверенные из Германии (за Намибию по делу *об острове Касикили/Седуду (Ботсвана/Намибия)*), Франции (за Чад по делу *о территориальном споре (Ливийская Арабская Джамахирия/Чад)*) и Англии (за обе стороны по делу *Катар против Бахрейна*). В деле *о территориальном морском споре между Никарагуа и Гондурасом в Карибском море (Никарагуа против Гондураса)* "юридический факт" в отношении того, каким образом испанская корона решала вопросы установления морских границ, представляли поверенные из Испании, входившие в состав групп юристов обеих сторон.

82. В Статуте Суда и Регламенте Суда проводится различие между экспертами и свидетелями. Лица, вызываемые сторонами в качестве экспертов, прежде чем огласить свое заключение, делают особое заявление (ст. 64 Регламента) и опрашиваются поверенными сторон под руководством Председателя (ст. 65 Регламента). На практике, однако, лиц, обладающих специальными экспертными знаниями, часто включают в состав группы юристов, а не вызывают в качестве экспертов. Задача по представлению исторических фактов, например, обычно решается путем включения их в обязательные бумаги или выступления представителей группы юристов в Суде. Поскольку эту

информацию не представляют в виде показаний эксперта, она не становится предметом перекрестного допроса. Вместо этого юрист-"эксперт" из каждой группы юристов даст ответ на заявленные "исторические доказательства" в собственных представлениях, и в соответствии с Регламентом Суда такое лицо будет рассматриваться как поверенный, а не как эксперт.

83. То же явление, когда эксперт выступает в качестве члена группы юристов, отмечается и в связи с доказательствами технического характера. Один из примеров этого – заключения экспертов о воздействии излучения реки на определение основного русла в деле *Botswana/Namibia*. Суд заслушал экспертов обеих сторон как членов групп юристов, а не как вызванных сторонами экспертов согласно статьям 57 и 63 Регламента. Изучив приведенные свидетельства о глубине, ширине, течении, конфигурации профиля русла и судоходных условиях, Суд решил, что основным руслом реки Чобе надлежит считать ее северный проток вокруг острова Касикили/Седуду.

84. Подробные доклады экспертов по важным техническим вопросам часто представляют на рассмотрение Суда в виде приложений к составительным бумагам, как было сделано по делу, *касающемуся проекта Габчиково-Надьмарош*. В этом случае соответствующей группе юристов необходимо решать, следует ли включить эксперта в состав своей делегации или предоставить делать любые устные заявления в отношении данного доказательства поверенному. В связи с делом *о территориальном и морском споре между Никарагуа и Гондурасом в Карибском море* Никарагуа и Гондурас по-разному подошли к решению этого вопроса. По вопросу о наличии доказательств того, что король Испании приписал морское пространство к одной или другой из провинций генерал-капитанства Гватемала, Гондурас включил доклады эксперта в приложение к своему вторичному возражению, тогда как поверенный Никарагуа представил анализ исторического материала в ходе устного разбирательства. Стороны даже могут просить Суд назначить эксперта, доклад которого будет официально приложен к судебному решению. Этот метод был использован в деле *о делимитации морской границы в районе залива Мэн*, когда Канада и Соединенные Штаты Америки в своем Специальном соглашении обратились к камере Суда с просьбой назначить совместно предложенного ими технического эксперта для помощи Суду в подготовке

описания морской границы и карт с указанием линии ее прохождения.

85. По-видимому, заключения экспертов, как правило, включают в текст заявлений групп юристов, однако крайне редко все еще прибегают и к даче свидетельских показаний, то есть личных свидетельств в отношении фактов по делу. В пункте 5 статьи 43 и статьях 48 и 51 Статута Суда содержатся положения, касающиеся свидетелей, в то время как в Регламенте Суда определяется, каким образом стороны должны информировать о своем намерении вызвать свидетелей и какие заявления должны быть ими сделаны, а также регламентируются вопросы обеспечения устного перевода показаний.

86. Показания свидетелей и экспертов фактически заслушивались только по 10 делам, разбиравшимся в Суде, и последним из них было дело *о применении Конвенции по предупреждению и наказанию преступления геноцида (Босния и Герцеговина против Сербии и Черногории)*. Первоначально высказывались предположения, что стороны могут пожелать вызвать сотни свидетелей, и Суд подготовил предварительные планы для решения всех проблем, которые могли бы возникнуть в связи с этим; в данном случае, однако, заявитель вызвал двух экспертов, а ответчик – шесть свидетелей и одного свидетеля-эксперта. Категория свидетелей-экспертов в Статуте или Регламенте Суда фактически не упоминается, однако она была признана в делах *о проливе Корфу*, *храме Преах-Вихеар* и *Юго-Западной Африке*. Этим термином обозначается лицо, которое может как дать показания, основанные на знании фактов, так и представить свое заключение по вопросам, по которым он или она обладает экспертными знаниями. По делу Боснии и Герцеговины против Сербии и Черногории свидетели и эксперты подвергались допросу и перекрестному допросу в суде. Были заслушаны показания о структуре военных организаций, связи между армией Сербской Республики и югославской армией, уничтожении культурного наследия и оценках жертв войны.

87. Известны исключительные случаи дачи показаний исторического характера, которые ни у кого не было намерения оспаривать, таких как показания в ходе судопроизводства при вынесении консультативного заключения относительно законности угрозы ядерным оружием или его применения мэров Хиросимы и Нагасаки, которые описали опустошительные разрушения и человеческие

страдания, выпавшие на долю этих городов и их жителей. Суд предложил включить обоих мэров в состав японской делегации, хотя они и не ссылались на какие-либо вопросы права. Это решение позволило избежать рассмотрения сложного вопроса о том, могут ли обычные процедуры в отношении свидетелей, применяемые при судопроизводстве по спорным делам, также использоваться в ходе судопроизводства при вынесении консультативных заключений.

88. Хотя Суд может сам вызывать свидетелей согласно положениям статьи 62 своего Регламента, назначать экспертов согласно статье 50 своего Статута и производить расследование или экспертизу согласно статье 67 Регламента, он никогда на деле не пользовался возможностью вызова свидетелей. Назначенные судом эксперты использовались Постоянной палатой международного правосудия по делу *фабрики в Хожуве* и Международным Судом по делу *о проливе Корфу*. По последнему делу Суд в соответствии со статьей 67 Регламента назначил комиссию экспертов для проведения независимого исследования фактов по спору между сторонами, для того чтобы Суд мог вынести решение по существу дела. Позднее Суд запросил экспертную оценку урона, понесенного заявителем, с тем чтобы определить сумму компенсации, которая должна быть ему выплачена. В последние годы подобные методологии не использовались, и проверка доказательств технического характера обычно рассматривается как часть обязанностей судьи.

89. В единственном случае, когда Суд осуществил посещение *in situ* в соответствии с положениями Статьи 66 своего Регламента, он сделал это не для получения доказательств, а в поисках информации по делу *касающемуся проекта Габчиково-Надьмарош*. Словакия пригласила Суд посетить участок на реке Дунай, где расположены шлюзы, которых касается данное дело, и Венгрия согласилась с этим предложением. Во время своего посещения Суд принял к сведению технические разъяснения, которые были даны представителями, назначенными сторонами.

90. Что же касается бремени доказывания, то Суд последовательно утверждает, что на стороне, делающей утверждение о том или ином факте, лежит обязанность доказывать его истинность. Иногда каждая из сторон будет нести это бремя в связи с различными утверждениями, сделанными в рамках одного и того же дела. По делу *Амаду Садио Диалло*,

касавшемся дипломатической защиты, Суд разъяснил, что на заявителе лежит обязанность доказывать, что национальные средства защиты были действительно исчерпаны, или удостоверить, что в силу исключительных обстоятельств предполагаемые потерпевшие, защитить которых пытался заявитель, были свободны от обязательства исчерпать имеющиеся национальные средства защиты. Ответчику же надлежит убедить Суд в том, что эффективные средства защиты, существующие в рамках его национальной правовой системы, не были исчерпаны.

91. Первоочередная цель Суда в связи с критерием доказанности состоит в том, чтобы сохранить свободу при оценке доказательств, опираясь при этом на факты и обстоятельства каждого дела. По делу *о проливе Корфу* Суд отверг доказательства, "не составляющие неопровержимых доказательств", и одновременно сослался на необходимость в "определенной степени достоверности". С тех пор, однако, он проявлял нежелание указывать критерии доказанности даже по какому-либо конкретному делу. По делу *о нефтяных платформах* он удовлетворился заявлением о том, что он не должен решать "на основании соотношения доказательств", кто запустил ракету, поразившую *Си-Айл-Сити*, и только отметил, что Соединенные Штаты Америки не выполнили необходимой обязанности по доказыванию, потому что "представленные доказательства [были] недостаточны". При этом он не указал, какими критериями определяется достаточность/недостаточность доказательств. Отчасти такое нежелание высказаться конкретно объясняется разрывом между принятым в общем праве принципом явного установления критериев и свойственной гражданскому праву "убежденностью судь". В Суде, естественно, представлены судьи, принадлежащие к обеим школам.

92. При рассмотрении утверждений о геноциде по делу *Боснии и Герцеговины против Сербии и Черногории* стороны выразили пожелание узнать, применим ли в данном случае критерий доказанности, используемый в уголовном процессе. Заявитель доказывал, что рассматриваемое Судом дело не относится к сфере уголовного права, и подходящим критерием, следовательно, является соотношение вероятностей, поскольку речь идет об утверждении касательно нарушения договорных обязательств. Ответчик, с другой стороны, утверждал, что такое исключительно серьезное обвинение против

государства требует "должной степени достоверности" и что этот критерий должен "не оставлять места для обоснованного сомнения".

93. Применительно к обстоятельствам данного дела Суд счел необходимым указать критерий доказанности, которому необходимо следовать, и заявил в связи с этим:

"Суд давно признает, что иски против государства, связанные с обвинениями исключительной тяжести, должны быть подтверждены доказательствами, которые являются полностью неопровержимыми [...]. Требуется, чтобы Суд был полностью убежден в том, что выдвинутые в ходе судебного разбирательства утверждения о совершении преступления геноцида или других актов, перечисленных в Статье III, были несомненно доказаны. Этот же критерий применяется и к доказательствам в связи с установлением виновных в совершении таких актов".

94. Со стороны наблюдателей поступил ряд любопытных замечаний относительно того, "выше" этот критерий или "ниже", чем формула "при отсутствии обоснованного сомнения", однако это просто сопоставимый критерий с использованием терминологии, более уместной для гражданских дел в сфере международного права.

95. Вопреки своему общему нежеланию указывать критерии доказанности, Суд из года в год систематически решал, какие виды доказательств он считал весомыми. По делу *о военных действиях на территории Конго (Демократическая Республика Конго против Уганды)* Суд столкнулся с очень сложным набором фактов и огромным количеством документации, предоставленной обеими сторонами. Он предпринял детальную оценку этого доказательственного материала и, помимо существенного содержания каждого источника, исследовал их происхождение, достоверность и надежность. Он заявил, что будет с осторожностью подходить к доказательственному материалу, специально подготовленному по данному делу, и материалам, исходящим из единственного источника. Придав существенный вес докладу учрежденной правительством Уганды Судебной комиссии во главе с судьей Дэвидом Портером ("докладу Портера"), Суд отметил:

"Эти доказательства, полученные в результате допроса лиц, которые непосредственно участвовали в событиях и которые впоследствии были подвергнуты перекрестному допросу судьями, обладающими навыками ведения допросов и опытом оценки больших объемов фактической информации, в том числе технического характера, заслуживают особого внимания".

96. Суд отметил далее, что с момента его опубликования достоверность доклада Портера никем не оспаривалась, что и было признано обеими сторонами. С тех пор данный доклад сыграл свою роль и в деле, возбужденном Боснией и Герцеговиной против Сербии и Черногории, поскольку оно также относится к числу "фактоемких" дел, в отношении которых Суд признал, что процедура установления фактов, принятая в Международном трибунале по бывшей Югославии, подпадает под "формулу Портера". Устное разбирательство продолжалось два с половиной месяца, в течение которых велись допросы и перекрестные допросы свидетелей и были представлены тысячи страниц документальных доказательств. Хотя Суд вынес собственные определения в отношении установления фактов на основе представленных ему доказательств, большую пользу принесло также и установление фактов по делу Трибуналом в ходе производства по делам обвиняемых индивидов. При рассмотрении данного дела Суд проводил различие между решениями, принимавшимися Трибуналом на различных этапах процесса. Например, в качестве общей нормы, никакого веса не может придаваться обвинениям, включаемым в обвинительный акт, или решениям по ходатайствам об освобождении от ответственности, вносимым защитой по завершении изложения версии обвинения. В противоположность этому, Суд пришел к выводу, что ему следует в принципе признать "в высшей степени убедительными" соответствующие заключения в отношении установленных фактических обстоятельств по делу, сделанные на суде Международным уголовным трибуналом по бывшей Югославии, если, конечно, они не были отменены по апелляции.

97. В своем последнем по времени судебном решении по существу спора в деле *о территориальном и морском споре между Никарагуа и Гондурасом в Карибском море* Суд обратился к конкретному вопросу о доказательственном значении письменных показаний под присягой, поскольку Гондурас

представил заявления под присягой от нескольких рыбаков, свидетельствующих об их убежденности в том, что 15-я параллель являлась и по-прежнему является морской границей между Гондурасом и Никарагуа. Суд заявил:

"Оценивая такие письменные показания под присягой, Суд должен принимать во внимание ряд факторов, в том числе, даны ли они государственными должностными лицами или частными лицами, не заинтересованными в исходе судебного разбирательства, а также является ли конкретный аффидевит подтверждением существования фактов или же только отражением частного мнения относительно неких событий. Суд отмечает, что в некоторых случаях особую ценность могут иметь свидетельские показания, полученные непосредственно в рассматриваемый период времени. Письменные показания, на более позднем этапе подтвержденные присягой государственного должностного лица для целей проведения судебного процесса, будут иметь меньше веса, чем письменные показания, подтвержденные присягой в то время, когда происходили относящиеся к делу события".

98. В иных обстоятельствах, если бы у частных лиц не нашлось оснований предлагать свои свидетельские показания, полезными будут и более ранние письменные показания под присягой, даже если они были подготовлены для целей проведения судебного процесса. В связи с этим оратор предлагает Комитету обратиться к пункту 244 судебного решения по данному делу.

99. Дела, слушавшиеся в Суде в последнее время, такие как дело *о военных действиях на территории Конго (Демократическая Республика Конго против Уганды)* и дело, касающееся *суверенитета над Педра-Бранка/Пулау-Бату-Путех, Мидл-Рокс и Саут-Ледт (Малайзия/Сингапур)*, содержали особенно много фактических данных, а к состязательным бумагам сторон прилагались сотни единиц доказательственных материалов. По делу между Малайзией и Сингапуром приложения составили порядка 4 тыс. страниц. Поэтому установление относящихся к делу фактов будет становиться для Суда все более важной задачей. Существованием этой задачи объясняется сохранение потребности в закреплении за каждым судьей судебного клерка. Международный Суд является единственным международным судом высокого ранга,

судьи которого не имеют таких помощников для упорядочения, подбора и проверки доказательственных материалов.

100. Касаясь резолюции 61/262 Генеральной Ассамблеи от 4 апреля 2007 года об "условиях службы и вознаграждении должностных лиц, не являющихся сотрудниками Секретариата: члены Международного Суда, судьи и судьи *ad litem* Международного трибунала по бывшей Югославии и Международного уголовного трибунала по Руанде", оратор подчеркивает, что деятельность Суда регламентируется его Статутом, и что он не может допустить, чтобы судьи, заседающие в одном Суде, получали разные оклады. Суд также не должен быть единственным судебным органом, подвергшимся негативным последствиям этой резолюции. В связи с текущей ситуацией встает реальный вопрос, касающийся принципа верховенства права, и Суд стремится найти его решение. Поэтому он выработал ряд предложений по данному вопросу, которые войдут в приложение к готовящемуся докладу Генерального секретаря об условиях службы и вознаграждении должностных лиц, не являющихся сотрудниками Секретариата.

101. **Г-н Мукунго-Нге** (Демократическая Республика Конго) говорит, что общественность его страны была разочарована заключением Международного Суда о том, что он не обладает юрисдикцией, для того чтобы принять к рассмотрению новое заявление, поданное Демократической Республикой Конго по делу *о военных действиях на территории Конго (Демократическая Республика Конго против Руанды)*. Поэтому он спрашивает, каким образом подобные дела могут разрешаться в будущем, если их невозможно заслушать в Суде. Должны ли они передаваться в арбитраж или становиться предметом переговоров?

102. **Г-н Шемшученко** (Украина) просит Председателя Суда поделиться своими взглядами относительно коллизии юрисдикций Международного Суда, третейских судов, Международного трибунала по морскому праву и других судебных органов в современных природоохранных спорах, связанных с использованием морей и океанов.

103. **Г-жа Хиггинс** (Председатель Международного Суда), отвечая на вопрос представителя Демократической Республики Конго, говорит, что Суд сознает, что непрофессионалы и жертвы вооруженных действий не могут понять, почему, в то время как по делу *о военных действиях на территории Конго*

(*Демократическая Республика Конго против Уганды*) решение было вынесено за весьма краткий период времени, Суд оказался не в состоянии оказать помощь по делу *о вооруженных действиях на территории Конго (новое обращение: 2002 год) (Демократическая Республика Конго против Руанды)*. Юрисдикция Суда зависит от согласия, которое должно быть выражено в виде обращения государств в Суд с совместным заявлением, ссылки на положение договора, в котором признается юрисдикция Суда, заявления, сделанного в соответствии с факультативной клаузулой, упоминаемой в пункте 2 Статьи 36 его Статута, или путем *forum prorogatum*.

104. Хотя Суд досконально изучил все возможные основания для юрисдикции в деле, которое Демократическая Республика Конго возбудила против Руанды, каких-либо оснований для своей компетенции он не нашел. Поэтому он предпринял попытку разъяснить широкой общественности, почему он оказался не в состоянии рассматривать конкретные обстоятельства дела. Оратор обращает внимание присутствующих на то обстоятельство, что согласие обеих сторон потребовалось бы и для проведения арбитражного процесса, однако добавила, что она не вправе объяснить с юридической точки зрения, как можно было бы провести судебный процесс по данному делу.

105. В ответ на вопрос представителя Украины оратор говорит, что частично совпадающая юрисдикция в отношении природоохранных споров, касающихся проблем, связанных с использованием морей и океанов, это реальность жизни, и возникла она вследствие особенностей происхождения различных судебных органов, о которых идет речь. Все они должны действовать совместно и в гармонии, для того чтобы избежать нарушения единства международного права. Она уже тесно сотрудничает с судьей Вольфрумом, Председателем Международного трибунала по морскому праву – органа, юрисдикция которого определяется, в частности, решениями Международного Суда.

106. Решая, в какой форум им следует обратиться, участники спора не станут искать различий в ответах от разных органов и, следовательно, будут вынуждены руководствоваться процедурными вопросами. А в этой области права центральное место принадлежит именно Международному Суду.

Заседание закрывается в 13 ч. 00 м.